

УДК:165.6/8

А. В. Кокорев - кандидат философских наук, Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова

ОСМЫСЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

Статья посвящена анализу коммуникативной рациональности, ее сущности и роли в становлении технического знания. Раскрыта сущность коммуникативной рациональности в теоретических науках как способа выражения их ценностно-эпистемологических смыслов, что позволило проинтегрировать ее как «коммуникативный разум», как новый аспект в целостном понимании рациональных начал технической науки.

Ключевые слова: коммуникативная рациональность, процесс формирования, осмысление, цивилизация, технологии.

ОСМИСЛЕННЯ КОМУНІКАТИВНОЇ РАЦІОНАЛЬНОСТІ І ЇЇ ОСОБЛИВОСТІ В ТЕХНІЧНОМУ ЗНАННІ

Стаття присвячена аналізу комунікативної раціональності, її сутності та ролі у становленні технічного знання. Розкрито сутність комунікативної раціональності в теоретичних науках як способу вираження їх ціннісно-епістемологічних смислів, що дозволило про інтегрувати її як «комунікативний розум», як новий аспект у цілісному розумінні раціональних основ технічної науки.

Ключові слова: комунікативна раціональність, процес формування, осмислення, цивілізація, технології.

UNDERSTANDING OF COMMUNICATIVE RATIONALITY AND ITS PECULIARITIES IN TECHNICAL KNOWLEDGE

Article is dedicated to the analysis of communicative rationality, its essence and its role in the development of technical knowledge. The essence of communicative rationality in theoretical science is exposed as a method of expression of their evaluative and epistemological senses. That allowed to integrate it as “communicative reason”, as a new aspect in holistic understanding of rational roots of technical science.

Keywords: communicative rationality, the process of formation, understanding, civilization, technologies.

Актуальность статьи обусловлена тем, что, раскрывая процесс репрезентации технического знания, было выделено и обосновано становление новых технических наук в этом виде знания и основные типы научно-технической рациональности: классический, неклассический и постнеклассический.

Цель статьи – проанализировать коммуникативное пространство в науке. Основная задача – раскрытие сущности коммуникативной рациональности в теоретических науках как способа выражения их ценностно-эпистемологических смыслов.

Объектом учения о коммуникациях выступают разнообразные формы социально-коммуникативного взаимодействия между людьми в обществе или объектами окружающего материального мира. Понятие «коммуникация» означает связывание, формирование общего. Но научный смысл оно приобрело тогда, когда под этим понятием стали понимать социально-обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного, группового и массового общения, на основе использования разных каналов и средств.

Анализ проблемы рациональности показывает, что сегодня в науке раскрыты модели, типологии рациональности и ее роль в научном познании и практической деятельности человека, в производстве нового знания. Рассмотрению рациональности в качестве эпистемологической, причем фундаментальной и смыслообразующей ценности научно-технического знания, способствовало объяснению нового типа рациональности – коммуникативной, который наиболее ярко характеризует

постнекласическу рациональность.

Постнекласическая рациональность связана с развитием научно-технической цивилизации. П. П. Гайденок отмечает, что «вопрос о природе рациональности – не чисто теоретический, но прежде всего жизненно-практический. Индустриальная цивилизация – это цивилизация рациональная, ключевую роль в ней играет наука, стимулирующая развитие новых технологий. И актуальность проблемы рациональности вызвана возрастающим беспокойством о судьбе современной цивилизации в целом, не говоря уж о дальнейших перспективах развития науки и техники» [1, с. 3].

На проблему сущности рациональности и ее моделей в постнекласическом типе сложились ряд концепций. Так, В. Н. Порус утверждает, что «модели рациональности строятся с разными задачами. Одни модели предназначаются для исследования организации «готового» научного знания, другие – для исследования критериев научно-исследовательской деятельности, третьи – для рационального понимания трансляции знания и обучения, четвертые – для представления и развития науки... Вопрос о том, какая из этих моделей представляет «подлинную рациональность, так же непропорционален, как вопрос, какие механизмы, ассимиляционные или диссимиляционные более адекватны жизни организма, рождения новых или гибель отживших индивидом является условием выживания популяции и т. п.» [2, с. 69]. Но какая из этих моделей рациональности подлинная, остается в «тени».

Новую модель рациональности формулирует американский методолог Л. Лаудан. Он выдвигает идею и обосновывает «сетчатую модель рациональности, которая должна объединить тенденции дискретности и непрерывности в развитии научного знания» [3, с. 295-342]. Его коллега Х. Патнхэм, развивая неопозитивистскую концепцию научной рациональности и называет ее «критериальной институционализированной рациональностью» и объясняя ее приходит к идее, что рациональность – это внутренний разум. Он считает, что истинность знания вовсе не является его характеристикой в качестве соответствующего реальности. Истина – это опосредованная связь предложения и реальности. Она не критериальна [4, с. 221-246].

Идеи Х. Патнхэма поддерживает В. Ньютон-Смит, выдвигая реалистическую модель рациональности в ходе решения проблемы несоизмеримости. «Критерием рациональности служит соответствие реальности. Здесь реальность объявляется не регулятивом, источником информации [4, с. 246-295].

Одна из наиболее известных типологий предложена К. Хьюбером. Он выделяет «пять критериев научной рациональности: 1) инструментальные; 2) функциональные; 3) аксиомы, задающие граничные условия при формулировке законов; 4) оправдательные, включающие принципы фальсификации и верификации; 5) нормативные, определяющие некоторые общие характеристики теории как результата научно-исследовательской деятельности» [5, с. 78-90].

Данные критерии, составляющие ядро научной рациональности, связаны с более общими характеристиками положения науки в обществе.

Но анализ всех концепций рациональности подчеркивает их общую связь с научным знанием. И какой бы методологией познания она не определялась, она везде выступает эпистемологической ценностью. Рациональность и методология научного познания тесно связаны, но несут разные смысловые нагрузки в эпистемологическом срезе. В содержание рациональности входит не только методология научного познания, как высшая ступень ее развития, но и различные формы отражения вненаучного знания, например, метафоры, метаязыки, герменевтические и этико-эстетические ценностные компоненты. В единстве научных и вненаучных компонентов своего содержания рациональность в социальной коммуникации направлена, прежде всего, на нахождение взаимопонимания между субъектами коммуникации и уже потом на получение результата – знания, его содержания и истинности.

Эпистемологической ценностью постнекласической рациональности выступила концепция коммуникативной рациональности. И все основные эпистемологические ценности этого процесса разворачивают свое содержание именно в призме их рационального осмысления.

Понятие «коммуникативная рациональность» было предложено Ю. Хабермасом, который доказывал необходимость пересмотра содержания рациональности, развиваемой Р. Декартом, Г. Лейбницем и другими философами. Ю. Хабермас основывал эту необходимость пересмотра, так как считал, что все трудности связаны с односторонним пониманием субъекта рационального познания. На смену старой парадигме сегодня приходит парадигма интерсубъективного понимания и коммуникации. Сегодня «фокус исследования переместился, – отмечает Ю. Хабермас, – от когнитивно-инструментальной к коммуникативной рациональности. Для него парадигмично не

отношение частного субъекта к чему-либо в объективном мире, что можно представить и с чем можно манипулировать, а межличностное отношение, в которое вступают способные к общению и действию субъекты, если они вращаются в среде естественного языка, употребляют культурно-преданные интерпретации и одновременно обращаются к чему-либо объективному, общему для них социальному и соответственно к субъективному миру» [6, с. 58]. Ю. Хабермас обосновывает сущность коммуникативной рациональности, исходя из различения законодательного и интерпретативного разума. А законодательный «разум», – отмечает Е. А. Сергодеева, – определяет специфику культуры модерна в Новое время. Он базировался на предположении о существовании конечного бытия вещей, не выводимого из их эмпирического существования, и разработал метод постижения этого бытия, названный научным. Разум судил все происходящее в культуре, обосновывая свое право наличием неизменных законов мышления» [7, с. 252].

А главную особенность постмодерна составляет обращение его приверженцев не к законодательному, а к интерпретативному разуму. М. Фуко, П. Риккерт и другие по-новому подошли с позиций этого разума к обоснованию знания и истины. Этот разум переориентировал поиск оснований знания с «трансцендентальной субъективности на язык и повседневную жизненную практику» [7, с. 253].

Такое понимание рациональности неприемлемо для развития технического знания, ведь здесь имеет место не просто налаживание взаимопонимания, а активный процесс формирования личностного знания и диалог, его эпистемологическая ценность, заключается именно в том, что он связан с поиском истины. Коммуникативная рациональность здесь связана с процессами приобретения, расширения, углубления знания, она способствует достижению соответствия наших знаний об объекте самому объекту, т. е. познанию и достижению истины. Такая рациональность позволяет разрешать противоречивые и спорные позиции, возникающие в развитии этого знания, раскрывает активность субъектов этого процесса. Этому способствует и то, что коммуникативная рациональность здесь предстает как сфера открытости для обсуждения познаваемых проблем, как вектор ее действия и развития, рациональность понимается как взаимодействие субъектов формирования нового в этом знании, в результате которого устанавливается понимание. Это предполагает включение в его структуру ценностных аспектов, поскольку сообщество признает только те структуры рациональности, с помощью которых оно поддерживает существование и взаимодействие с окружающим миром. Несомненно, формирование технического знания выступает одной из таких структур рациональности, имеющих свои особенности.

Развитие технического знания выступает как особый вид научной деятельности, определяющий межличностные и социальные коммуникативные отношения, их уровень, направленность и результаты во многом детерминированы объективными факторами, несмотря на то, что эти знания являются фактом личного сознания отдельного субъекта. Но, прежде чем войти в общественный фонд технического знания, они должны получить общественную санкцию, что зависит от их социальной значимости, новизны, эффективности. Кроме того, знания выделяются из живой ткани индивидуального сознания, очищаются от эмоциональных моментов, принимают строгую логическую форму и в таком виде знания индивида перестают быть его личным достоянием. Они становятся индивидуальной силой в качестве элемента технического фонда знаний. Но процесс признания этого элемента в качестве нового требует удовлетворения критериям, выработанным коммуникативной рациональностью, и реализуется в зависимости от существующих правил. Варианты действий субъекта технического научного творчества определяются нормативными образцами, которые воспринимаются им как объективные, вследствие принадлежности его к социальной группе – научно-техническому сообществу. «Хотя сознательно, отмечает Н. В. Попкова, – люди рассматривают свою деятельность как поиск рациональных путей достижения собственных целей, но осознание ситуации и выбор поведения осуществляется согласно культурным нормам. Итак, поскольку выбор и создание институциональных форм и условий, в которых происходит техническое действие, принадлежит не конкретному индивиду, а социуму, то и субъект технической деятельности – не отдельный человек, а социум» [8, с. 298].

В то же время, складывающийся в науке постнеклассический тип коммуникативной рациональности, несмотря на его недостатки, все же выступает в качестве ценностной системы в условиях обоснования стратегического процесса перехода общества к высшей фазе своего бытия – информационной. Основными характеристиками этого общества выступают складывающаяся сегодня: ориентация на знание; инновационная природа и виртуализация производства; конвергенция и динамизм социальных процессов; представления об эффективности личности как о человеке,

владающем інформаційно-комунікаційними технологіями і інформаціологією; о високопродуктивному колективі як робочій групі, взаємодіючій на основі інформаційно-комунікаційних технологій і т. д.

Період становлення інформаційного суспільства співпав з періодом глобалізації, який відобразив основні висновки стрімливо змінюваної соціальної дійсності: швидке розв'язання електронної комерції, скоординованість фінансових ринків, розвиток наднаціональних організацій і др. Радикальний характер позначених процесів, затрагиваючих первинні соціальні організації життя людей, не викликає сумнівів.

Конечно ж, якщо проаналізувати рівень розвитку техніко-технологічних і наукових основ світового суспільства, то можна побачити великий розрив між розвинутими і розвиваючись країнами в сфері інформаційного виробництва. І стримувати суб'єктивно стрімкий ріст останнього неможливо. Тут не можна говорити про кризу інтелекту. Саме інтелект виступає основою розвитку цього виробництва і «гальмування» останнього є передумовою загальної кризи. «Інтелект, – вважає І. Хейзінга, – зазвичай перебуває поза сфери ворожости, конфлікту і злої волі. Він виявляє симптоми кризи, однак, строго кажучи, це не розлад і не аномалія. Розуміється, під інтелектуальною кризою слід розуміти не боротьбу розуму, придушеної процесом політики, а поступальний рух самої науки, як вона проявляє себе там, де дух ще володіє свободою, яка йому потрібна, щоб залишитися духом» [9, с. 381]. Нова цивілізація, пов'язана з новітніми формами і методами виробництва інформації, повинна розширювати межі свободи людського інтелекту.

В чому ж полягає сутність комунікативної раціональності? З однієї сторони, вище була розкрито сутність комунікації і наше її розуміння, з іншої сторони, пояснена наша позиція, відносно змісту раціональності. Тут має місце, здавалося б, злиття в єдине ціле двох понять філософського знання. Але в цьому немає ніякої несподіванки, оскільки комунікативна раціональність відображає специфіку інформаційного взаємодіяння. «Суть проблеми комунікативної раціональності, – зазначає В. І. Марєєв, – полягає в наступному: незважаючи на те, що процес спілкування завжди грав величезну роль в житті людей, він ніколи не розглядався як ключовий фактор соціального розвитку» [10, с. 300], в тому числі і розвитку наукового знання.

Комунікативна раціональність в технічному знанні цілеспрямовано орієнтована на пошук істини через систему взаєморозуміння. Ця комунікація сьогодні інтерпретується як «комунікативний технічний розум», вона є основою взаєморозуміння і представляє процес взаємного спілкування. Ця раціональність упорядковується згідно прийнятним нормам, цінностям, вимогам, склавшимся в цій сфері діяльності суспільства. А оскільки такою сферою в нашому дослідженні виступають технічні науки, то тут через комунікацію йде процес осмислення людиною технічної реальності, закономірностей її розвитку. Цей творчий процес науково аргументується, обґрунтовується, доводиться і висувається необхідність раціонального діяння людини. Це сприяє соціалізації особистості, формуванню її особистої позиції по обговорюваній проблемі, становленню процесу розуміння, як об'єктивного, стійкого, необхідного елемента його світогляду.

Таким чином, розроблена постнекласическою раціональністю її нова різновидність – комунікативна, передусім, складає базу для дослідження соціальних комунікацій у всіх сферах діяльності суспільства. Що стосується технічних наук, то вони з початку свого становлення і по сьогоднішній день є специфічною ціннісною основою проявлення і розвитку комунікативної раціональності.

Висновок. Комунікація розкрита як смисловою актом передачі інформації від суб'єкта до суб'єкта в різних формах – через інформаційні канали і технології передачі інформації, при цьому метою її є навчання, управління і інше вплив на суб'єкта. Виділені і пояснені типи комунікаційних просторів: простір внутрішньої комунікації; міжособистісної комунікації; мікрогрупової комунікації; публічної комунікації; організаційної комунікації; масової комунікації. Це дозволило комунікативну раціональність проінтегрувати як «комунікативний розум», як новий аспект в загальному розумінні раціональних початків технічної науки.

© Л. В. Кривець

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Гайденко П. П. Проблема рациональности на исходе XX века / П. П. Гайденко // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 3.
2. Порус В. Н. Парадоксальная рациональность (очерки о научной рациональности) / В. Н. Порус. – М.: УРАО, 1999. – 124 с.
3. Лаудан Л. Наука и ценности / Л. Лаудан // Современная философия науки: знания, рациональность, ценности в традиционной мысли Запада. – М.: Логос, 1996. – С. 295-342
4. Патнхэм Х. Философия и человеческое понимание / Х. Патнхэм // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в традиционной мысли Запада: Хрестоматия / Сост. А. А. Печенкина. – М.: Логос, 1996. – С. 221-246.
5. Хьюбнер К. Критика научного разума / К. Хьюбнер. – М.: ИФРАН, 1994. – 326 с
6. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2000. – 377 с.
7. Кохановский В. П. Философия науки / В. П. Кохановский, В. Н. Пржиленский, Е. А. Сергодеева. – Р/Д.: ИКЦ «Март», 2006. – 496 с.
8. Попкова Н. В. Антропология техники. Становление / Н. В. Попкова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 376 с.
9. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. – М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1994. – 459 с.
10. Философия науки / Под ред. Т. П. Матяша. – Р/Д.: Феникс, 2006. – 496 с.

УДК: 101+316.32

Л. В. Кривець - кандидат філософських наук, старший науковий співробітник науково-дослідної лабораторії (гуманітарних проблем) гуманітарного інституту Національного університету оборони України, м. Київ

ФЕНОМЕН ВЛАДИ ЯК ОБ'ЄКТ СОЦІАЛЬНО-ФІЛОСОФСЬКОГО АНАЛІЗУ

Згідно авторської концепції, влада визначається як цілісний багатовимірний соціокультурний феномен, що проявляється в метафізичному плані як потенція до актуалізації та реалізації об'єктивної волі, в гносеологічному плані як когнітивне прагнення до постійного інтерсуб'єктивного розвитку, в праксеологічному аспекті як прагнення до володіння світом та його енергетичними, інформаційними та матеріальними ресурсами, в екзистенційному плані як воля до життя, в аксіологічному сенсі як одна з основних соціокультурних цінностей.

Ключові слова: влада, управління, соціально-філософський аналіз, суспільство, держава, особистість.

ФЕНОМЕН ВЛАСТИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Согласно авторской концепции, власть определяется как целостный многомерный социокультурный феномен, который проявляется в метафизическом плане как потенция к актуализации и реализации объективной свободы, в гносеологическом плане как когнитивное стремление к постоянному интерсубъективного развития, в праксеологическом аспекте как стремление к обладанию миром и его энергетическими, информационными и материальными ресурсами, в экзистенциальном плане как воля к жизни, в аксиологическом смысле как одна из основных социокультурных ценностей.

Ключевые слова: власть, управление, социально-философский анализ, общество, государство, личность.